

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД.
У ТВОЕЙ
ЛЮБОВНИЦЫ
ЕСТЬ МУЖ

18+

18+

Лея Ветрова

**Развод. У твоей
любовницы есть муж**

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. У твоей любовницы есть муж / Л. Ветрова — «Автор»,
2026

— А кровать можно развернуть? Денис спит у окна. Я выбирала эту кровать для квартиры на продажу. Так сказал муж. Теперь рядом с ним стоит другая женщина и обсуждает, как им будет удобнее спать. Пятнадцать лет брака. Сын. Мои проекты, которые приносили мужу деньги. А мне предлагают спокойно закончить работу и не устраивать сцен. Я ухожу. И нахожу номер её мужа.— Матвей Андреевич? У вашей жены роман. С моим мужем. Я не собиралась влюбляться в него. Но с ним мне впервые за долгое время хочется не терпеть, а жить. Только мой сын ждёт, когда папа вернётся домой. Его дочь мечтает помирить родителей. А наши бывшие уверены, что ещё могут всё вернуть. Одна книга. Счастливый финал с новым героем.

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Квартира для другой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лея Ветрова

Развод. У твоей любовницы есть муж

Глава 1. Квартира для другой

Марина

Я в третий раз перевешивала штору, когда Денис позвонил и спросил, долго ли мне ещё. Верхний крючок никак не попадал в петлю, под ногой качалась стремянка, а телефон, зажатый между плечом и ухом, медленно сползал к вороту рубашки. Я поймала его локтем, выругалась и услышала знакомый смешок.

— Опять всё сама? Монтажник где?

— В соседней комнате. Если бы ты не перенёс сдачу на сегодня, я бы пила кофе и рассказывала тебе, какая я прекрасная.

— Ты и так прекрасная. К двенадцати закончишь?

Я улыбнулась. В трубке щёлкал поворотник: Денис опять говорил со мной, выбирая, куда поставить машину.

— Мы с тобой договорились на два. У меня ещё уборка после крепления карниза.

— Я знаю. Покупательница попросила раньше посмотреть. Оставишь ключ охране?

— Подожди, ты же сам хотел со мной пройти по квартире.

— Марин, ну что я там увижу? Ты когда-нибудь делала плохо?

— Ладно. Если успею.

— Успеешь. Ты же у меня умница. Мне сейчас звонят, давай позже.

Он отключился. У Тимки опять хрустела велосипедная цепь, надо было напомнить Денису про мастерскую. Я положила телефон заряжаться на столешницу и полезла обратно, пока его умница не рухнула со стремянки.

Квартиру я делала почти два месяца. Светлые стены, дуб, глубокий зелёный у дивана. Объект под продажу, приличный бюджет. Денис дал мне редкую возможность сделать так, как считала правильным, и я была довольна результатом.

Особенно столом из «Громов мебели», овальным, с гладкой кромкой, к которой тянулась рука. Денис сначала ругался на цену, потом сам настоял на дорогой отделке. Обычно он предпочитал имитацию дерева, здесь почему-то согласился сразу.

— Марина Сергеевна, я всё, — сообщил Саша из спальни. — Посмотрите, нормально?

Я слезла, потёрла шею и пошла за ним. В спальне пахло пылью от сверления и свежим хлопком. Постель я застелила утром, положила сверху покрывало, которое выбирала вечером дома, пока Тимка решал задачу, а Денис смотрел что-то в телефоне. Я тогда показала мужу два варианта. Он поднял глаза, ткнул пальцем в серый и сказал: «Этот приятнее». Я была рада, что он хотя бы посмотрел.

Один край карниза оказался выше. Я попросила опустить его и, пока Саша возился с инструментом, расправила складку на покрывале. Мне нравилось последнее утро перед сдачей, когда всё готово и можно ещё немного побыть в квартире одной.

В двенадцать я всё ещё собирала с пола мелкую стружку. Саша забрал стремянку и сунул в карман последнюю насадку; я придержала ему дверь и попросила выставить счёт сегодня. Он ушёл, а я вернулась к кухне за телефоном. На экране было сообщение от Дениса: «Мы минут через десять. Ты закончила?»

Я напечатала: «Почти. Подожду, покажу кухню». Осталась одна серая галочка. В чёрном экране микроволновки увидела возле уха полоску пыли, вытерла её и поправила волосы. Всё-таки покупательница.

Замок щёлкнул раньше, чем я успела унести коробку с образцами. Денис вошёл с женщиной в светлом плаще и держал ладонь у неё на поясице. Я сначала посмотрела на его руку. Так он раньше проводил меня между столиками в ресторане — едва касаясь, но я всегда знала, куда идти.

— О, вы ещё здесь, — сказала женщина.

Я узнала её раньше, чем вспомнила имя. Кира Громова. Дочь во втором классе, Ася. На прошлогодней школьной ярмарке Кира привезла огромные коробки с бумажными стаканчиками и потом объясняла завучу, почему нельзя фотографировать детей снизу. Ещё мы несколько раз переписывались по мебельным заказам: она занималась рекламой и присылала каталоги производства мужа.

Денис убрал руку.

— Не успела? — спросил он у меня.

— Не успела уйти, как видишь. Здравствуйте, Кира.

Я поставила коробку на стул, потому что держать её на весу вдруг стало тяжело. Кира сняла плащ и протянула Денису. Он повесил его на крючок, выбрал тот, что подальше от входа, чтобы ткань не касалась стены. Дома он бросал куртку на банкетку. Я заметила это и тут же рассердилась на себя за нелепое сравнение: человек мог один раз нормально повесить чужую вещь.

— Я думала, здесь никого уже не будет, — сказала Кира, оглядывая гостиную. — Денис, нам тогда сначала спальню посмотреть?

— Можно и спальню, — ответила я. — Только я покажу розетки. Вы просили дополнительные выводы, тут есть несколько особенностей.

Я поправляла образцы в коробке. Выводы добавил Денис. Но если квартира продавалась Кире, всё сходилось. Даже ладонь на поясице можно было пока не замечать.

Кира прошла к столу, провела пальцами по краю и улыбнулась Денису. Он кивнул, будто ответил на вопрос, которого я не слышала.

— Хороший. Я боялась, что будет темнее. А кровать можно развернуть? — Она посмотрела на меня. — Мне свет утром прямо в лицо, а Денис спит у окна. Может, поставить изголовьем к другой стене?

В холодильнике включился компрессор. Ровное негромкое гудение заполнило паузу, и я почему-то испугалась, что оно будет продолжаться бесконечно. Денис стоял в прихожей, держа связку ключей. Он не посмотрел на Киру и не попытался засмеяться.

— Что значит — Денис спит у окна?

Кира открыла рот, но муж ответил раньше:

— Марина. Нам надо поговорить.

Он сделал шаг ко мне. Я видела тёмную точку на воротнике его рубашки — утром сама решила, что это тень, и не стала отправлять его переодеваться. Теперь захотелось подойти, оттереть пятно, сказать, что он опять ест в машине. Это желание было настолько привычным, что я на секунду растерялась сильнее, чем от слов Киры.

— Вы здесь собираетесь жить? — спросила я.

Денис сунул ключи в карман. Кира перестала гладить стол.

— Я хотел сегодня дома всё объяснить.

— Здесь, Денис?

— Да. Но ты сейчас накручиваешь себя.

Я ждала продолжения. Чего-нибудь о служебной квартире, о командировках, о том, что Кира не так выразилась. Денис умел объяснять неприятные вещи, и я пятнадцать лет слушала его объяснения. Сейчас тоже была готова.

— Вы вместе? — Голос у меня стал тише. — Скажи словами. Я не понимаю, что ты мне сейчас предлагаешь понять.

Он оглянулся на входную дверь, проверяя, закрыта ли она.

— У нас отношения. Я собирался сказать тебе спокойно.

Я отступила и задела стул. Коробка качнулась; из неё выпал маленький образец ткани и лёг зелёным квадратиком на пол. Я посмотрела на него, потом на мужа. Мне казалось, если сейчас наклонюсь, меня вырвет.

— И поэтому дал мне эту квартиру?

— Квартиру дала тебе компания. Ты получила аванс, работа оплачивается.

Он говорил уже увереннее. Нашёл знакомое место, где можно было опереться на цифры. Я прижала ладонь к краю столешницы: гладкий камень холодил кожу. В голове медленно складывались вещи, которые раньше никак не были связаны. Покрывало. Дополнительная розетка у окна. Настоящее дерево, на которое он вдруг согласился. Пробки, в которых он стоял по пятницам, когда город давно уже разъехался.

— Ты просил меня выбрать вам кровать.

— Я просил оформить объект.

— Покрывало тоже выбирал. Помнишь? Я показала тебе два, а ты сказал, что серое приятнее.

Кира посмотрела в сторону спальни. Денис шумно выдохнул.

— Не надо сейчас перечислять каждую тряпку.

Мне захотелось ударить его. Совершенно определённо, ладонью по рту, чтобы он перестал так говорить. Я даже перенесла вес на другую ногу, но рука осталась на столешнице. Во рту было кисло. Перед глазами торчал белый хвостик монтажной стяжки, пропущенный уборкой. Я полдня проверяла, чтобы им здесь было хорошо.

— Марина, я понимаю, это неприятно, — вмешалась Кира. — Но квартира тут ни при чём. Просто так совпало с работой.

Она перебирала пальцами резинку для волос; на безымянном блестело кольцо с камнем. Я не знала, что делать с лицом. Улыбнуться было невозможно, плакать при ней — тоже.

— Вы тоже думали, что объект на продажу? — спросила я.

— Денис занимался оформлением.

— Значит, не думали.

— Кира, подожди в машине, — сказал муж.

Она не сразу двинулась. Посмотрела на него, потом на меня, и я увидела раздражение: её первая прогулка по новому дому была испорчена. Денис снял плащ с крючка, помог ей надеть, открыл дверь. Я наблюдала за его руками, не в силах отвернуться. У самой сломался ноготь, пока я собирала здесь стул. Он даже не спросил, почему на пальце пластырь.

Кира ушла. Денис закрыл за ней дверь и повернул замок. В квартире стало душно.

— Открой, — сказала я.

— Что?

— Дверь. Не надо запирать.

Он посмотрел на меня так, словно я начала вести себя неразумно, но замок повернул обратно.

— Я тебя не держу. Хотел поговорить нормально.

Мне понадобилось усилие, чтобы убрать ладонь со столешницы. На коже осталась красная полоса. Я взяла сумку, положила в неё телефон и пенал с карандашами; пенал не проходил поперёк, и я дважды попыталась затолкнуть его одним и тем же движением.

— Давно? — спросила я, не поднимая головы.

— Это сейчас важно?

Я остановилась с пеналом в руке. Денис потёр лоб.

— Семь месяцев.

В июне мы ужинали в честь годовщины. Я надела синее платье, и Денис сказал, что оно хорошо сидит. Я была счастлива в тот вечер.

— И что теперь? — спросила я.

— Давай сначала без резких движений. У нас Тим. У нас квартира. Я от обязательств не отказываюсь.

Он подошёл ближе и попытался взять меня за плечо. Я дёрнулась так сильно, что пенал упал. Карандаши рассыпались по полу, один закатился под кухонный остров.

— Да господи, Марина...

Денис присел, начал собирать их. Я тоже опустилась на колени, только с другой стороны, чтобы между нами оставался остров. Стыдно было ползать перед мужем по полу его новой квартиры, но оставить карандаши я не могла. Это были хорошие карандаши. Я сама их купила.

— Не трогай. Я соберу.

Он положил те, что держал, возле меня и поднялся. Я сунула их в пенал, нашла последний под островом. Когда встала, голова закружилась; пришлось опереться на стол.

— Сядь хотя бы, — сказал Денис. — Воды налить?

— Тебе надо было сказать до того, как я здесь начала работать.

— Тогда бы ты отказалась.

Я подняла на него глаза. Он понял, что сказал, чуть позже меня и снова потёр лоб.

— Я не это имел в виду.

Плакать захотелось именно сейчас. Не когда Кира говорила про кровать, не когда он признал роман. Он знал, что я бы отказалась, и поэтому не сказал. Я сняла для них мерки, ездила по магазинам, ругалась с поставщиками, выбирала оттенок стен. Он приходил вечером домой и спрашивал, как продвигается.

Денис достал телефон, посмотрел на экран и погасил его. Кира ждала в машине.

— Мы обсудим всё вечером. Тебе сейчас лучше уехать. Только акт оставь, я сам подпишу, чтобы бухгалтерия провела остаток.

Я посмотрела на папку возле микроволновки. В ней лежали два экземпляра акта и список мелких замечаний, которые должна была устранить до пятницы.

— Нет.

— Что — нет?

— Приёмки сегодня не будет. Папку я заберу.

— Ты квартиру доделала. Это работа, Марин.

Он протянул руку к папке, и я успела первой. Зажала её под мышкой, потянулась за коробкой с образцами. Денис отступил на полшага.

— Мне нужно снять состояние объекта, — сказала я. — Потом обсуждать. Не сейчас.

Я прошла по квартире с камерой. В гостиной пришлось сделать два кадра: дрожали руки. Спальню сняла от двери. Подняла пластиковую упаковку и бросила в мусорный пакет. Поймав себя на том, что даже сейчас убираю у них, оставила пакет возле кровати.

Денис шёл за мной, но в спальню не вошёл.

— Нельзя всё смешивать. Ты потом сама пожалеешь.

Я посмотрела на покрывало. Хотелось снять его, свернуть, унести с собой. У него была приятная шероховатая ткань и узкая прошитая кромка. Но покрывало купили на деньги заказчика. Я забрала только свой рулеточный метр с подоконника и вернулась в прихожую.

— Ключ оставь, — сказал муж.

Я положила связку на банкетку. Такой же крючок, такую же банкетку он год назад не решил купить домой: «У нас и так всё нормально». Я натянула куртку поверх рабочей рубашки, подняла сумку и вышла. Денис остался у двери. Он не пошёл за мной; до лифта я добралась с коробкой, папкой под мышкой и одним развязавшимся шнурком.

В машине я поставила всё на пассажирское сиденье, прижалась затылком к подголовнику и заплакала. Тихо не получилось. Воздух выходил короткими толчками, а салфетки в бардачке закончились после Тимкиной поездки с газировкой.

Пришлось вытереться рукавом. Я наклонилась к сумке за водой, увидела телефон и почти нажала на имя Дениса. Хотела сказать, как он мог. Спросить, что было со мной не так. Заставить его услышать хоть что-нибудь, кроме помехи в собственном расписании. Отдёрнула палец и положила телефон экраном вниз.

Через два квартала пришлось остановиться у магазина. Я не могла вести дальше, а домой было нельзя приезжать с таким лицом: Тимка заканчивал уроки к двум. Умылась в туалете торгового центра, купила воду, маленькую пачку салфеток и зачем-то батон. Только у кассы поняла, что сын просил утром белый хлеб. У него был обычный день, в котором ему хотелось горячего бутерброда.

Денис прислал сообщение, пока я сидела на скамейке возле лифтов.

«Марина, про Киру мы спокойно поговорим вечером. Прошу пока никому не рассказывать. Особенно Тиму. Не надо втягивать ребёнка в наши отношения».

Я прочитала его несколько раз. Потом сделала снимок экрана, сама не зная, зачем. Отложила телефон на колени, развернула салфетку и прижала к глазам. Женщина с коляской посмотрела на меня, замедлила шаг, но ничего не спросила. Я была ей благодарна.

В папке на пассажирском сиденье осталась накладная на стол. Под логотипом «Громов мебели» стояли телефон производства и имя руководителя: Матвей Андреевич Громов. Я вспомнила Киру на ярмарке. Она тогда показывала кому-то фотографию: высокий мужчина держал девочку на плечах, а та пыталась закрыть ему глаза ладонями. Кира смеялась и говорила, что папа опять купил Асе то, чего мама не разрешала.

Матвей. Её муж.

Я открыла рабочую переписку, нашла присланный Кирой каталог, посмотрела на маленькую фотографию возле имени. Всё это время у неё тоже был человек, которому вечером нужно было что-то объяснять. Может быть, она уже объяснила. Может быть, он обо всём знал. Я не знала ничего, кроме того, что Денис сейчас рассчитывал на моё молчание.

Телефон зазвонил. На экране было Тимкино лицо с оттопыренными ушами: он сам поставил эту фотографию и запретил менять.

— Мам, ты скоро? — спросил он. — Я дома уже. Можно остатки макарон разогреть?

— Можно. Я сейчас приеду. Сыр возьми в дверце.

— А папа вечером велосипед отвезёт? Он обещал.

Я стиснула зубы, переждала секунду и ответила, что спрошу. Тимка начал рассказывать про физру: их новый учитель заставил бегать по мокрому стадиону, у всех кроссовки в грязи. Я слушала, держа батон на коленях, и понемногу снова могла дышать. Мне надо было ехать к сыну, дать ему поесть, самой снять рабочую рубашку, в которой я провела этот день. Номер Матвея я переписала из накладной в телефон, прежде чем встать со скамейки. Сегодня я ещё не знала, что ему скажу. Но делать вид, будто ничего не случилось, ради Дениса больше не собиралась.

Марина

Денис приехал, когда я отмывала сковородку после ужина. Тимка сидел за столом, намазывал на хлеб остатки подливки и смотрел в телефон. Я попросила его убрать локоть со скатерти, хотя никакой скатерти у нас не было — полгода назад мы купили стол с покрытием, которое легко мыть. Сын поднял на меня глаза.

— Мам, ты чего?

— Ничего. Телефон хотя бы от еды отодвинь.

В прихожей звякнули ключи. Я задвинула сковородку глубже в раковину и пустила воду. Денис вошёл, повесил куртку на спинку стула, потрепал сына по голове. Тимка пригнулся, защищая причёску, и сразу спросил про велосипед.

— Завтра, Тим. Сегодня не получилось.

— Ты вчера сказал сегодня.

Денис посмотрел на меня. Слова застряли у меня во рту вместе с горячим воздухом от воды. Я могла сказать сыну, что отец был занят, привести убедительную причину, напомнить про дождь. Обычно так и делала, чтобы мы спокойно поужинали.

— Раз вы договорились, сами решайте, — сказала я и выдавила на губку ещё немного средства.

— У меня работа, — пояснил Денис. — Давай завтра после школы. Машину во дворе оставляю, погрузим.

Тимка помолчал, потом спросил, точно ли получится. Муж пообещал. Сын унёс тарелку и убежал в комнату, забыв на столе телефон. Через секунду вернулся за ним; мы оба стояли в тех же местах, и я испугалась, что он это заметит. Но Тимка только вытащил аппарат из-под хлебного пакета.

Денис снял крышку с кастрюли.

— Мне осталось?

— На плите. Сам разогрей.

Он поставил тарелку в микроволновку, открыл холодильник. Я тёрла давно чистую сковородку, пока пена не стала течь на рукав. Денис достал бутылку воды, отпил из горлышка и положил на стол телефон экраном вниз.

— Марин. Давай поговорим.

Я закрыла кран. В тишине услышала, как у Тимки за стеной разговаривают персонажи игры. Их голоса были весёлыми, торопливыми; кому-то требовалось срочно перейти мост.

— Не здесь. Он всё слышит.

В спальне Денис прикрыл дверь, сел на кровать и смотрел на меня с усталым терпением.

— Ты поела?

— Что ты хочешь?

— Чтобы мы не наломали дров. Сегодня всё вышло плохо.

Я стояла возле комода. Снятое обручальное кольцо лежало в блюдце рядом с серёжками: утром я убрала его, чтобы не поцарапать мебель. Стоило протянуть руку, и можно было снова надеть. Мне стало стыдно за то, что я вообще подумала об этом.

— Плохо вышло или плохо сделал?

— Я не снимаю с себя ответственности. Но ты тоже должна понять, что между нами давно не всё...

— Ты попросил меня делать для вас квартиру. С этим давно что было не так?

Он сжал губы. Мне хотелось заставить его ещё раз объяснить историю с квартирой, но я устала от собственной злости. Села на пуф, чтобы ноги перестали дрожать.

— Ты уйдёшь? — спросила я.

— Я пока ничего окончательно не решил.

— А я? Мне сколько ждать?

— Марина, не надо вот этого. Я домой приехал. Я от сына не бегаяю.

Он говорил негромко, всё время оставляя возможность считать разговор обычной ссорой. Я смотрела на его носки, тёмные, с серыми полосами на пятках. Купила их перед отпуском, сразу десять пар. На кровати лежал плед, под которым мы вчера смотрели сериал; Денис уснул на двадцатой минуте, а я разбудила его, чтобы выключить свет.

— Я сегодня не буду с тобой спать, — сказала я.

— Как скажешь.

Он поднялся, будто именно этот вопрос мы и решали.

— Уйдёшь в кабинет, — добавила я. — Твоё одеяло в шкафу.

Денис посмотрел на меня внимательнее. Кабинет у нас был крошечный, с коротким диваном, на котором ночевал Тимкин друг. Муж вынул из шкафа одеяло, зацепил плечиком мою блузку и не стал поднимать. Я тоже не подняла. Подождала, пока он выйдет, и закрыла дверь.

Через час Тимка пришёл спросить, где зарядка. Он увидел только меня, удивился, почему папа в кабинете, и я сказала, что нам сегодня лучше побыть отдельно. Сын потоптался на пороге, потом всё-таки вошёл и забрал провод. Ничего больше не спросил. Я слышала, как он задержался возле кабинета, постучал; Денис ответил ему обычным голосом, и дверь закрылась.

Утром у меня был созвон с заказчицей из Верхней Пышмы. Она выбирала плитку для ванной и каждый раз возвращалась к самому первому варианту. Я открыла на ноутбуке её проект, посмотрела на время и позвонила на производство Громова.

Девушка ответила после третьего гудка. Представилась Светланой, спросила, по заказу ли я. Я назвала своё имя и фирму Дениса, через которую проходил стол.

— Что-то с доставкой? Я соединю вас с комплектацией.

— Нет. Мне нужен Матвей Андреевич. Личный вопрос, касается его жены.

Я произнесла это и зажмурилась. Слова прозвучали некрасиво, чужими. Девушка помолчала.

— Оставьте номер. Передам, что вы звонили.

В ответ на созвоне заказчица рассказала, что мужу не нравится плитка с прожилками. Я слушала, делала отметки, попросила прислать фотографию того, что выбрали в магазине. Мы обсуждали ширину швов, и несколько минут мне удавалось не думать о квартире, которую я вчера закончила. Потом на телефон пришёл входящий, и я договорилась отправить рекомендации вечером.

— Марина Воронцова? — спросил мужчина. Голос был низким, с лёгкой хрипотой. — Громов. Вы искали меня.

— Да. Я оформляла квартиру через фирму моего мужа. Дениса Воронцова. Мне нужно встретиться с вами.

— Что с Кирой?

— Она в порядке. Это не несчастный случай.

Он молчал, и я смотрела на свои руки, лежавшие возле клавиатуры. На пальце темнела полоска от пластыря. Вчерашняя рубашка висела в ванной, я даже не смогла положить её в стирку.

— По телефону говорить не хотите? — спросил он.

— Не хочу. Но если иначе не получится, скажу по телефону.

— В двенадцать на производство сможете приехать? Адрес пришлю. Спросите меня на входе.

Я согласилась. До полудня оставалось сорок минут. Быстро закрыла проект, пригладила волосы мокрыми руками, переоделась. Серая блузка казалась слишком нарядной, свитер — неряшливым, и я рассердилась: мне не на собеседование и не на свидание. Надела свитер. В сумку положила папку и распечатку сообщения Дениса. Распечатала её ещё ночью, потому что боялась растеряться и начать оправдываться, не сказав главного.

Производство оказалось в стороне от жилых кварталов, за шиномонтажом и небольшим складом. Я сначала проехала ворота, развернулась и на въезде притёрлась колесом к бордюру. Охранник посмотрел на машину, потом на меня. Назвала фамилию, услышала, что меня ждут, и впервые пожалела, что вообще приехала. Выйти и снова вести обычную жизнь было бы проще. Хотя я уже пробовала весь вечер, и ничего не получилось.

Матвей встретил меня у двери в административный корпус. Высокий, в тёмной рубашке с подвёрнутыми рукавами. Одна ладонь была белой от мелкой пыли, возле большого пальца краснела свежая ссадина. Он посмотрел на меня, на папку под мышкой и отступил, пропуская внутрь.

— Проходите. Здесь шумно, наверху тише.

На лестнице пахло деревом и кофе. Мужчина шёл впереди, не оглядываясь, и я разглядывала его спину, чтобы не смотреть на двери. Через одну из них виднелся длинный стол с разложенными чертежами. У Киры был муж, который сейчас работал, оставил своё дело, чтобы встретить меня. Я принесу ему такую же боль, с какой сама приехала сюда, и уже не могла придумать, как сказать мягче.

В кабинете Матвей отодвинул образцы шпона, показал на стул. Достал из шкафа бутылку воды и две чашки.

— Кофе?

— Воды, пожалуйста.

Он налил, сел напротив. Между нами лежала раскрытая тетрадь с цифрами; Матвей закрыл её и убрал на край стола.

— Я слушаю.

— У вашей жены отношения с моим мужем.

Он не двинулся. Я услышала, как внизу включили какой-то станок, глухой звук прошёл через пол. Матвей посмотрел на чашку, потом снова на меня.

— С Воронцовым?

— Да. Семь месяцев. Вчера я их увидела в квартире, которую оформляла. Он подтвердил.

Я вытащила лист, положила на стол, прижала пальцами угол. Руки дрожали так же, как вчера с телефоном.

— Это его сообщение. Пришло после того, как я уехала. Номер можете проверить.

Матвей прочитал, не беря лист в руки. Провёл пальцами по переносице, оставил там светлый след и не заметил.

— Какая квартира?

Я назвала адрес, объяснила, для чего дали заказ и что сказала Кира про спальню. На словах о кровати меня снова затошнило. Отпила воды, поставила чашку слишком громко.

— Это он сообщил, что семь месяцев? — спросил Матвей.

— Да.

— Кира что-нибудь сказала?

— Что так совпало с работой. Она знала, что я делаю интерьер.

Он встал, прошёл к окну. Я увидела затылок, короткие волосы с проседью возле ушей. В комнате было жарко, батареи ещё не включили, но солнце падало прямо на подоконник. Я сидела в свитере и боялась пошевелиться.

— Вы с мужем ссорились до этого? — спросил Матвей, не оборачиваясь.

— При чём тут это?

— Я пытаюсь понять, что произошло.

— Произошло то, что они спят друг с другом. До вчерашнего дня мы ссорились из-за велосипеда. Вам рассказать?

Он повернулся. Лицо у него изменилось, стало тяжёлым, но он всё равно выглядел человеком, который контролировал себя лучше меня.

— Я не обвиняю вас.

— А вопрос звучит именно так.

Матвей подошёл к столу, вытащил стул. Сел не сразу, постоял, опираясь ладонью на спинку. Я посмотрела на его ссадину и на секунду отвлеклась: кровь запеклась в неровной полоске, словно он задел острый угол.

— Мне нужно убедиться, — сказал он. — Вы приехали, сообщили... Я до вашего звонка занимался лестницей для заказчика. Что вы от меня сейчас хотите?

Это было справедливо. От справедливости мне стало только хуже. Я тоже вчера вешала шторы, у меня всё было вполне понятно до поворота ключа. Но я услышала в его голосе подозрение и уже не могла ответить спокойно.

— Чтобы вы знали. Сама я предпочла бы узнать семь месяцев назад.

— Вы хотите, чтобы я поговорил с Воронцовым?

— Нет. С ним я поговорю сама.

— Тогда почему...

— Потому что ваша жена знает моё имя, видела моего сына в школе. А вы пока сидите здесь и делаете мебель для её жизни с чужим мужем. Не знаю, собирались ли вам рассказать. Мне рассказать не успели.

Я замолчала. Чашка стояла слишком близко к краю, и я пододвинула её внутрь. Матвей опустил на стул, уставился на распечатку. Я пожалела о сказанном про столы — он не обязан был отвечать за заказ Дениса.

— Простите, — сказала я. — Компания мужа покупала мебель. Это я понимаю. Вас в заказ не втягивали.

Он кивнул, но глаза не поднял.

— Оставьте лист?

— Да. Есть сообщение на телефоне, могу переслать.

— Перешлите. И адрес квартиры.

Я сделала это, внимательно проверив получателя. Потом показала снимки интерьера, чтобы было ясно, о каком объекте речь. На экране появилась наша готовая кухня, и Матвей задержал взгляд на столе. Несколько секунд он смотрел так, будто стол мог объяснить ему больше, чем я.

— Вы сегодня с ней поговорите? — спросила я.

— Поговорю.

— Они попросят вас никому не рассказывать. Мой муж уже попросил.

— Я прочитал.

Он ответил чуть резче, чем прежде. Я убрала телефон, подняла папку. Уже в дверях вспомнила сына и обернулась.

— Тимофей ничего не знает. И ваша дочь, наверное, тоже. Я не хочу, чтобы они услышали это в школе.

Матвей встал. Его глаза наконец задержались на мне дольше, чем требовалось для вопроса.

— Ася не знает, — сказал он. — Я понял вас.

Он проводил меня вниз. На площадке кто-то позвал его по имени, мужчина в рабочей куртке поднял лист бумаги. Матвей показал ладонью, чтобы тот подождал. Уже возле двери сказал:

— Марина. Про ваш брак я спрашивал зря.

Я кивнула и вышла, пока он не добавил чего-нибудь ещё. Возле машины насыпали щебёнку, несколько камешков попало в ботинок. Я вытряхнула их, держась за дверь, села и ощутила такую усталость, словно сама разгрузила привезённый вчера стол.

За Тимкой я приехала к школе раньше, чем он вышел. Мы должны были отвезти в мастерскую велосипед; Денис написал, что освободится поздно, и сын сам спросил, могу ли я. На парковке стояло несколько знакомых машин, в коридоре через стекло виднелись родители младших школьников. Среди них я искала Киру и злилась на себя за это. Её не было.

Тимка выбежал без куртки, на ходу запихивая что-то в рюкзак. Я опустила стекло.

— Надень. Потом опять горло будет болеть.

— Там жарко. Мам, можно Вовку с нами? Он до своей остановки.

Вовка стоял позади, делая вид, что вопрос его не касается. Оба залезли назад. Сын спросил, почему мы поехали в другую сторону, и я объяснила, что надо вернуться за велосипедом. Мне нравилось, что он спрашивал такую ерунду.

Пока мальчишки спорили, чья игра тормозит сильнее, на телефон пришло сообщение от Матвея: «Адрес получил. Спасибо». Я не ответила. Слово «спасибо» здесь было беспомощным, но, наверное, другого у него не нашлось. Я положила телефон в отделение под магнитолой и повезла детей домой.

Вечером Денис успел приехать до ужина. На этот раз он сам накрыл на стол, достал из холодильника салат. Тимка рассказывал ему, что в мастерской заменят цепь и звёздочку, а я ждала, когда муж посмотрит на телефон. Мне казалось, Кира уже должна была позвонить. Но он ел, кивал сыну и дважды спросил меня, не подлить ли чаю.

Когда Тимка ушёл делать английский, Денис задержал руку на спинке моего стула.

— В субботу можем съездить за город. Втроём. Проветриться.

Я поставила чашку на блюдце.

— Зачем?

— Чтобы не сидеть по углам.

— Ты вчера сказал, что ничего не решил.

— Вот и надо попробовать спокойно...

На его телефоне высветилось имя Киры. Денис убрал руку со стула, взял аппарат. Я следила, как он вышел из кухни; раньше такого движения я бы не заметила. Он прошёл в прихожую, сказал «да» и замолчал. Я не пошла слушать. Подняла тарелки, сложила в посудомойку, закрыла дверцу. Через минуту Денис вернулся с телефоном в руке.

— Ты Грому рассказывала?

— Да.

Он смотрел на меня, и мне стало страшно. Не что ударит — раньше он никогда меня не бил. Страшно было оттого, как быстро исчезло всё, что мы только что могли принять за обычный семейный ужин.

— Я попросил тебя подождать.

— Ты попросил никому не говорить. Я тебе не обещала.

— Тебе легче стало?

Я не знала. Весь день мне было плохо, поездка не вернула вчерашнего утра, Матвей Громов не исправил моей жизни. Но отвечать Денису пришлось только за собственный поступок, и это я могла.

— Я сказала ему правду. Остальное решайте сами.

Муж хотел что-то добавить, однако в коридоре появился Тимка с тетрадью. Спросил, как переводится «although». Денис назвал перевод, прошёл мимо него в кабинет и закрыл дверь. Я села рядом с сыном, помогла прочитать задание. К концу второго предложения телефон тихо завибрировал у меня в кармане. Матвей написал: «Кира подтвердила. Она знает, что вы приезжали». Я прочитала, убрала аппарат и попросила Тимку повторить последнюю строчку. Он ткнул пальцем в слово, терпеливо показывая матери то, что ей полагалось понимать с первого раза.

Глава 3. То, что осталось дома

Матвей

После ухода Воронцовой я вернулся к лестнице и минут пять смотрел на крепление, которое утром собирался переделать. Потом взял не ту отвёртку. Павел перехватил мою руку прежде, чем я сорвал шлиц, вытащил инструмент и положил возле правильного.

— Отойди, я сам. Ты клиента хочешь здесь угробить?

— Не угроблю.

— Ты уже второй раз на одну ступень наступил. И руку помой, опять содрал.

Я посмотрел на костяшку возле большого пальца. Ссадина подсохла, под ногтем была пыль. Помнил, как задел крепление, но не помнил, зачем потом взял отвёртку. Отступил, предоставив Павлу разбираться с лестницей, и пошёл к раковине. Вода защипала кожу; я стоял, пока она не стала тёплой, потом выключил.

Телефон лежал в кармане рубашки. Адрес квартиры, фотография стола, сообщение Дениса Воронцова. Заказ на этот стол я видел в общей ведомости. Хорошая модель, подходила для небольших кухонь, расходилась неплохо. Ничего особенного в заказе не было.

Я позвонил Кире. Она ответила не сразу, попросила подождать: говорила с кем-то из подрядчиков. Слышал, как она повторяет мой вопрос о рекламном макете, благодарит человека и обещает прислать правки. Всё шло своим ходом.

— Да, Матвей. Что случилось?

— Во сколько будешь дома?

— В шесть, наверное. Асю из продлёнки заберёшь? Мне сегодня неудобно туда ехать.

— Заберу. И домой к шести приезжай.

— А что такое?

Мне хотелось задать ей вопрос немедленно. Чтобы не ждать, не думать ещё несколько часов. Кира опять отвлеклась, кому-то сказала: «Секунду». На производстве гремели тележки, мне на руку капала вода из плохо закрытого крана, и говорить в этом шуме о её любовнике я не смог.

— Дома поговорим.

Она замолчала. Потом ответила, что приедет.

Павел нашёл меня у выхода. Держал папку, но не протянул её, только посмотрел на лицо.

— Ты заболел?

— Нет.

— Тогда езжай. Я здесь сам. От тебя сейчас толку...

Он не договорил. Мы вместе работали столько лет, что ему не требовалось спрашивать, что произошло, чтобы понять: произошло что-то серьёзное. Я забрал куртку, попросил пере-нести два созвона и уехал. Уже за воротами вспомнил про запланированную отгрузку. Позвонил Павлу, тот сказал, что всё помнит, и велел не мешать.

Асю забрал раньше обычного. Дочь сидела в продлёнке, старательно закрашивала у нарисованного кота одно ухо. Увидев меня, подняла лист, чтобы показать, и тут же пожаловалась, что карандаш сломался.

— Возьми другой.

— Другой не такой. Этот светлее, они разные.

В пенале лежали три розовых. Я нашёл нужный по сломанному кончику, достал точилку, присел на край детского стола. Учительница напомнила Асе забрать сменку. Дочь смотрела, как я точу карандаш, потом приложила его к бумаге и довольно кивнула.

— Я дома доделаю. Mam покажу. Пап, ты нас в субботу повезёшь в парк? Мама сказала, может быть.

— Посмотрим по погоде.

Ася не любила этот ответ. Вдохнула, собрала вещи и попросила понести рюкзак. Я взял и рюкзак, и пакет со сменкой, потому что она пыталась не помять рисунок. В машине рассказывала, как поссорились две девочки и потом сами же забыли, из-за чего. Я слушал, задавал вопросы в нужных местах и боялся пропустить поворот, хотя ехал знакомой дорогой.

Кира вернулась в половине седьмого. Принесла пакет с яблоками, положила на стол и удивилась, почему я дома. Я посмотрел на неё, и она перестала развязывать узел.

— Ты же сам просил приехать.

— Просил.

Ася прибежала из комнаты с котом, требуя посмотреть. Кира наклонилась, похвалила, спросила, почему одно ухо розовое, а другое серое. Дочь объяснила, что это такой кот, они бывают. Кира засмеялась. Я стоял у кухни и ждал, когда они закончат говорить.

— Иди руки мой, — сказала жена. — Поужинаем.

— Мне нужно поговорить с тобой, — произнёс я. — Асю я накормил.

Дочь обернулась. Я попросил её пока дорисовать, показал, что рюкзак лежит в комнате. Она ушла не сразу, потопталась, но спорить не стала. Кира посмотрела ей вслед и направилась в спальню. Я прошёл за ней, прикрыл дверь.

Она сняла серьги, положила возле зеркала. Светлая блузка топорщилась у манжеты; Кира несколько раз потянула ткань, поправляя. Я знал этот жест: она делала так, когда рукав мешал работать за компьютером.

— Денис Воронцов, — сказал я. — У тебя с ним что?

Она оставила манжету в покое.

— Кто тебе сказал?

Надежда, что я ошибся, исчезла быстро. Воронцова выглядела человеком, которому незачем приезжать и лгать; всё равно у меня оставалось несколько часов на ожидание ошибки. Теперь ждать было нечего.

— Марина приехала сегодня. У тебя отношения с ним?

— Да.

Кира села на кровать. Я остался стоять возле шкафа, разглядывал маленькое пятно на стене. Ася в прошлом году рисовала там звёздочки фломастером. Мы отмыли почти всё.

— Семь месяцев?

— Примерно.

Я кивнул, хотя кивать было не на что. В кармане лежал телефон, можно было достать, показать ей чужое сообщение, потребовать объяснить каждую поездку. Кира посмотрела на мои руки и положила свои на колени.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Как это выглядит?

— Не надо разговаривать со мной как с провинившейся сотрудницей.

Она подняла голову. Голос у неё стал знакомым, тем, которым в машине обсуждала сорванную рекламную съёмку. Мне захотелось выйти. Я почувствовал, что сейчас начну орать, а за дверью сидела дочь.

— Я пытаюсь не кричать, Кира.

— И правильно. Здесь ребёнок.

Она сама заговорила об Асе, и я сжал челюсти. Подошёл к окну, открыл створку. С улицы потянуло прохладой и запахом чужого ужина. В соседнем доме кто-то жарил мясо, дым выходил из вытяжки прямо в наш двор.

— В квартире, которую его жена делала, вы жить собирались?

— Это не решено.

— Зачем ты приходила смотреть?

— Он попросил. Что тебе сказать? Да, мы думали об этом. Но я не могу всё взять и бросить.

— Ася?

— И Ася. И работа. И вообще... — Она потёрла колено через ткань юбки. — Ты думаешь, мне легко?

Я повернулся. На моём стуле лежала рубашка, которую собирался надеть завтра. Кира гладила её накануне, когда смотрела какой-то фильм. Было трудно совместить женщину на кровати с женщиной, которая попросила тогда поставить утюг на место, потому что дочери надо мыть голову.

— Расскажи, — сказал я.

— Что?

— Что тебе было трудно.

Она посмотрела на меня с сомнением, потом заговорила. Я действительно мало бывал дома. Знал это ещё до того, как она начала перечислять вечера и выходные. Весной взяли большую партию для гостиницы, подвёл поставщик; я ездил разбираться, задерживался в цехе. Летом переделывали вентиляцию. Отпуск сдвинули на две недели, потом сократили. Кира с Асей уехали раньше, я прилетел к ним на пять дней.

— Ты приходишь и уже устал, — сказала она. — Тебя не трогать, не спрашивать лишнего, не хотеть никуда идти. Мне надоело чувствовать себя человеком, который мешает тебе отдохнуть.

Я слушал. Возразить хотелось, но не на всё было что ответить. Был вечер, когда я пообещал встретить её после съёмки, а потом отправил такси. Она не скандалила, только спросила, почему другим людям я могу обещать точно, а ей — как получится. Я тогда сказал, что драматизировать не надо.

— Да, — ответил я. — В этом ты права.

Кира выпрямилась.

— Вот. Наконец-то ты...

— Но я не пойму, зачем семь месяцев было со мной жить и делать вид, что мы просто устали.

Она поджала губы. Потянула с кровати маленькую подушку, прижала к животу.

— Я не хотела вот так. Чтобы какой-то человек пришёл и решил за нас.

— Воронцова за нас ничего не решила.

— Конечно. Она просто приехала и всё вывалила. Думаешь, ей до тебя дело?

Мне вспомнились её дрожащие пальцы на листе бумаги. Воронцова сидела на самом краю стула, будто я мог её выгнать. Не знала, куда поставить чашку, и резко отвечала на мои вопросы. Я не видел там человека, который удачно решил чужую судьбу.

— Ей дело до её мужа, — сказал я. — У тебя есть что-нибудь ещё? Мне завтра не придётся узнать другую половину?

Кира опустила глаза на подушку.

— Нет.

— Ты хочешь жить с ним?

— Я не знаю. Сейчас я ничего не знаю, Матвей.

Из детской донёсся стук: Ася что-то уронила, потом позвала нас. Мы оба замерли. Я открыл дверь; дочь стояла посреди комнаты, возле ног лежала банка с фломастерами. Начала объяснять, что она сама упала. Я сказал, что ничего страшного, присел и стал собирать. Ася присела рядом, заглядывая мне в лицо. Я улыбнулся ей, и получилось, кажется, плохо.

— Ты на маму сердитый? — спросила она.

Я собрал в ладонь последние три фломастера, поставил банку на стол. Кира стояла у двери и смотрела на меня.

— Мы разговариваем. Ты здесь ни при чём, — сказал я.

Дочь нахмурилась. Наверное, в этой фразе был смысл для взрослых, ребёнку она ничего не объясняла. Я сел возле Аси, предложил закончить кота вместе. Она показала мне место у лапы, где нужно было ещё закрасить. Я взял карандаш, попытался не выходить за линию.

— Ты сильно нажимаешь, — заметила дочь. — Будет темнее.

Я ослабил пальцы. Кира ушла на кухню, оттуда послышался звон посуды. Мы досидели над рисунком до самого купания. Потом Ася спросила, будем ли читать. Я сказал, что будем, и она принесла книжку, которую за эту неделю мы открыли только один раз.

В спальню вернулся позже, когда дочь легла. Кира сидела там же, держала телефон. Услышав мои шаги, отложила его.

— Сегодня уеду в дом, — сказал я. — На выходных хочу забрать Асю. Обсудим завтра, как ей сказать.

Кира встала.

— Ты даже не попытаешься подумать?

— Я там и буду думать.

Достал сумку. Она лежала наверху, рядом с чемоданом; я редко ею пользовался, и молния заедала. Кира подошла, взяла за ткань, помогла открыть. От этого привычного движения стало так плохо, что я отступил.

— Я сам.

— Хорошо. — Она опустила руки. — Ася привыкла, что мы оба здесь. Нельзя просто взять и исчезнуть.

— Я не исчезаю. Тебе известно, где я буду.

— Я хочу, чтобы она нормально спала, Матвей. Не плакала каждый вечер.

Я тоже хотел. Стоял с пустой сумкой и представлял, как дочь ночью придёт к нам, увидит только мать. Она давно уже спала в своей комнате, но иногда появлялась с подушкой, говорила, что плохой сон. Я брал её к себе, она толкалась, через час мы относили её обратно.

— Объясним ей, что будем жить отдельно, — сказал я.

— Пока. Скажем пока. Ей восемь лет.

Мне следовало ответить сразу, и я это понимал. Кира смотрела, ожидая, к чему я сумею придаться в такой простой просьбе. Я открыл ящик, начал складывать бельё. На задней стенке лежали часы, которые давно не носил; они съехали вместе с футболкой, и я убрал их обратно.

— Завтра поговорим, — сказал я.

Жена выдохнула, будто получила согласие. Наверное, так оно и было. Вопрос я снова отложил, а она уже могла использовать моё молчание.

У двери детской остановился. Ася лежала на боку, губы чуть приоткрыты. На столе остался наш кот с тёмным пятном возле лапы, которое я так и не сумел закрасить ровно. Тихо вышел, взял сумку в прихожей. Кира туда не пришла. Уже в машине я написал Воронцовой, что её слова подтвердились. Удалил последнюю фразу, которую набрал — «Извините за встречу»,

— потому что за свой лишний вопрос извинился раньше, а за всё остальное просить прощения мне было не у кого.

В доме пахло сухими досками и давно закрытыми комнатами. Я купил его за несколько лет до свадьбы, успел пожить здесь один; потом нам удобнее стало в городе. Кира не любила ездить, Ася появилась маленькая, всё нужное было рядом с квартирой. В дом привозили гостей летом, иногда оставались на выходные. Последний раз ночевали в июне.

Я включил свет, проверил котёл и зашёл на кухню. На столе стояла банка с карандашами: дочь оставила их, когда рисовала перед отъездом. Один покатился под локтем, упал. Я поднял, положил обратно и прошёл в спальню. Кровать была застелена гостевым покрывалом, белья не было. Пришлось искать в шкафу, где хранились сложенные комплекты. Я знал, сколько петель у любой нашей двери, но не знал, какой из этих комплектов подходил для собственной кровати.

Простыня оказалась узкой. Постелил как получилось, сел на край. Сумка стояла в коридоре. Я слышал, как в трубах пошла вода, и следил за этим звуком, пока он не стих. Потом встал, принёс вещи и поставил возле шкафа.

Кира позвонила через полчаса. Спросила, доехал ли я, и сразу предупредила, что завтра у неё ранний созвон, поэтому Асю нужно отвезти мне. Я сказал, что заберу дочь у подъезда.

— Она уже спрашивала, куда ты ушёл, — сказала жена. — Я объяснила, что тебе надо поработать в доме.

— Зачем?

— Чтобы среди ночи не устроила истерику. Днём поговорим. Ты же сам сказал завтра.

Я потёр лицо. Это действительно сказал я. Кира спросила, нужно ли передать что-нибудь ещё из вещей; ответил, что пока хватит, и отключился. Она продолжала заботиться обо мне в тех местах, где заботиться было легко. Я хотел рассердиться на неё за этот звонок, но больше сердился на себя.

Ночью почти не спал. Брал телефон, открывал сообщение Дениса, закрывал. Проверял рабочий чат и не понимал, о чём пишут люди. Перед рассветом услышал дождь. Он бил по отливу, и я вспомнил, как Ася здесь просыпалась от такого звука, как я нёс её на руках смотреть, откуда шумит. Теперь она могла приехать ко мне только на выходные. Остальное время придётся как-то проводить без неё.

Утром дочь вышла из подъезда с Кирой. Подошла к машине, залезла назад и сразу попросила повернуться. Я повернулся; она закинула руки мне на шею поверх сиденья, сильно обняла.

— А я проснулась, тебя нет. Ты почему там ночевал?

Кира держала дверцу, ожидая ответа.

— Мы с мамой немного поживём отдельно, — сказал я. — Я буду в доме. Ты ко мне приезжай.

Ася ослабила руки. Посмотрела на мать.

— А мама?

— Мама здесь. Ты пока со мной будешь жить, — ответила Кира. — Папа в субботу тебя заберёт. Там твой велосипед есть.

Дочь села, поправила рюкзак, который мешал пристегнуться. Я вышел помочь. Она давала мне держать лямку и внимательно следила за лицом.

— Вы поругались?

— Да, — сказал я. — Но мы оба с тобой. Тебя это не касается.

Последняя фраза опять оказалась неудачной. Ася сидела у меня в машине, её мать держалась за дверцу снаружи. Всё происходило с ней тоже. Я присел, чтобы наши глаза были на одном уровне, и сказал, что сегодня после школы приеду, что в субботу мы будем вместе, что

она может мне звонить. Это дочь поняла. Спросила, можно ли забрать в дом большой набор для рисования, и я согласился.

В школе она держала меня за руку до самых ступенек, хотя обычно выдёргивала ладонь раньше. Я дождался, пока скроется в дверях, вернулся к машине. На производстве Павел встретил с вопросом про отгрузку, потом, посмотрев на меня, предложил сначала выпить кофе. Я пошёл за ним, набирая в телефоне сообщение Кире: в субботу заберу Асю в десять. Удалил слово «постараюсь», которое почему-то написал первым, и отправил точное время.

Глава 4. Без твоих заказов

Марина

Лена прислала мне три квартиры, пока я стояла в аптеке и пыталась вспомнить, зачем зашла. В корзинке лежали пластыри и зубная паста, дома паста ещё была. Я прочитала сообщения, открыла первую фотографию и увидела чужую кухню с красным чайником. За последние дни мне так часто предлагали поверить, что всё ещё можно уладить, что этот чайник показался чем-то определённым и честным. Его хотя бы можно было выбросить, если не понравится.

«Эту завтра в двенадцать покажут. Две комнаты, школьный автобус не нужен. От вас минут пятнадцать пешком».

Я ответила, что приеду, и пошла к кассе. За моей спиной мужчина объяснял фармацевту, какие витамины пьёт его жена. Он помнил цвет коробки, но не название. Я узнала нужную по его описанию и промолчала: почему-то не хотелось помогать даже ему.

Мы с Леной разговаривали накануне. Я позвонила, спросила про аренду, и она по моему голосу поняла больше, чем я успела сказать. Сначала предложила приехать немедленно, потом перестала предлагать и просто приехала. Села рядом на диван, выслушала, спросила, что мне сейчас нужно. Когда я ответила «квартиру», она кивнула и достала телефон. Я была ей благодарна за отсутствие вопроса, уверена ли я.

Дома Денис возился с кофемашиной, которую давно пора было почистить. Увидел пакет из аптеки, спросил, не болит ли что. Я поставила покупки на стол.

— Завтра смотрю квартиру. Для нас с Тимом. Нужно поговорить с ним сегодня.

Муж перестал нажимать кнопки.

— Ты решила ребёнка таскать по съёмным квартирам?

— Я решила здесь больше не жить. С Тимой мы обсудим вместе.

— Что обсудим? Что ты уже всё придумала?

Я посмотрела на кофемашину. Он держал пустой поддон, с которого на пол капала вода. Захотелось принести полотенце, потом захотелось вырвать поддон и самой всё закончить. Я заставила себя стоять.

— Ты можешь пожить в своей новой квартире. Тогда мы останемся. По какой-то причине эту возможность ты мне до сих пор не предложил.

— Она ещё не готова.

— Для меня была готова к приёму. Для вас уже не подходит?

Он поставил поддон в раковину.

— Я не хочу сейчас переезжать. Мне надо работать, Марин. У нас куча объектов.

Мы стояли друг против друга возле кухни, за неделю он ни разу не вернулся к слову «семь», а я возвращалась к нему каждую ночь. Спать удавалось часа три подряд. Потом просыпалась, слышала, как за стеной Денис переворачивается на коротком диване, и думала, что он тоже не спит. Часть меня до сих пор ждала, что муж постучит, войдёт, скажет что-то важное. Он выходил попить воды и шёл обратно.

— Тиму после ужина скажем, — произнесла я. — Не на ходу. И ты будешь здесь.

Денис помолчал, потом спросил, сколько стоит аренда. Я назвала примерную сумму, услышала, что за эти деньги можно нормально жить в собственной квартире. В спор больше не вступила.

После ужина сын потянулся за телефоном, и я попросила задержаться. Денис отодвинул чашку. Тимка переводил взгляд с него на меня; я поняла, что он уже ждал этого разговора. Мы слишком старались ничего не показывать, и получилось хуже, чем если бы просто ссорились.

— Мы с папой будем жить отдельно, — сказала я. — Я смотрю квартиру недалеко. Хотим поговорить, как тебе будет удобнее.

Он сел ровнее.

— Совсем?

Денис открыл рот, но я ответила первой:

— Сейчас я возвращаться не собираюсь.

Муж бросил на меня быстрый взгляд. Тимка провёл ногтем по щербинке на краю стола, которую выковырял сам несколько лет назад.

— А почему?

— У нас с мамой проблемы, — сказал Денис. — Мы хотим спокойно разобраться. Ты здесь ни при чём.

— Я не спросил, при чём я. Почему вы не можете нормально жить?

Я смотрела на сына и не могла решить, с чего начать. Любое объяснение предлагало ему встать на чью-то сторону, а молчание заставляло придумывать своё.

— Папа хочет других отношений. Я не согласна жить так, как раньше.

— Каких других?

— С другой женщиной.

Денис шевельнулся, но не перебил. Тимка посмотрел на него. Лицо у сына стало растерянным, младше обычного. Я хотела взять его за руку, однако он сидел слишком далеко, и мне показалось, что сейчас отодвинется.

— У тебя кто-то есть? — спросил он отца.

— Тим, это между мной и мамой.

— А зачем тогда мне рассказываете?

Денис потянулся к чашке, поставил обратно. Я задержала дыхание, чтобы не разреветься перед сыном. Он сердился, и имел на это право; мне хотелось, чтобы сердился только на отца, и за это желание было стыдно.

— Потому что тебе надо знать, что будет дальше, — сказала я. — Где ты живёшь, кто отвозит тебя, как видишься с папой. Ты можешь спрашивать. Не на всё мы сможем ответить сейчас.

— Понятно. — Тимка сдвинул стул, но не встал. — Я к бабушке не поеду.

— Тебе не надо к бабушке. Я смотрю квартиру рядом со школой. Свою комнату получишь.

— А велосипед?

— Заберём. И модели, и компьютер. Посмотришь квартиру со мной, если хочешь.

Он опять провёл ногтем по столу. Потом спросил, останется ли отец здесь. Денис ответил, что пока да, и стал объяснять, что сын может приходить, когда захочет, что его комната останется. Я слушала, пытаясь не думать о красном чайнике на фотографиях и коротком диване в кабинете. Тимка вскоре ушёл, не убрав тарелку. Из комнаты донеслось движение стула, потом стало тихо.

— Ты очень довольна? — спросил Денис.

Я поднялась, отнесла чашку к раковине.

— Нет. Совсем не довольна.

— Можно было иначе сказать.

— Как ты хотел? Что я сама просто захотела на другую квартиру?

Он промолчал. Я договорилась с ним о том, что временно сын будет жить со мной, а выходные и другие встречи они обсудят вдвоём. Денис сказал, что не возражает, но хочет знать адрес. Я обещала сообщить, когда подпишу договор. После этого долго стояла возле Тимкиной двери, не решаясь постучать.

Сын открыл сам. Увидел меня, подождал, потом спросил:

— А Вовка сможет приезжать? Его мама туда отпустит?

— Позвоним, объясним, что это рядом.

Он кивнул и оставил дверь открытой. Я села на край кровати, пока он выбирал, какие коробки с моделями возьмёт сначала. Из четырёх он назначил необходимыми все. Мы нашли большую сумку, которая стояла на шкафу, и вместе убрали с неё пыль.

У квартиры пахло свежей краской и сигаретами. Лена заранее предупредила: хозяин перекрашивал прихожую сам, потом курил на балконе. Я стояла на пороге, разглядывала плохо закрытый угол возле потолка и пыталась перестать работать. Мне здесь надо было жить, а не спасать чужой ремонт.

— С окнами порядок, — сказала Лена. — Проверила. И документы. Обсудим оплату, если решишь брать.

Она сама показывала мне квартиру: хозяин оставил ключи и разрешил приехать без него. В кармане у Лены звонил телефон; подруга сбросила вызов и прошла в маленькую комнату.

— Эта Тиму. Тут стол войдёт. Только кровать нужна нормальная, хозяин обещал убрать диван.

Я подошла к окну. До школы действительно было недалеко, из кухни виднелись крыши знакомого квартала. Зато моя новая спальня совмещалась с гостиной, рабочее место придётся устраивать у стены. Лена посмотрела, как я прикидываю ширину стола.

— Ты себя куда ставишь?

— Сюда, наверное.

— Я про себя, а не про мебель.

Я повернулась к ней. Она убрала телефон обратно, сунула руки в карманы плаща.

— Спать нормально будешь? Тут вроде диван приличный, но проверь. И за работу где сядешь? Не на кухонном табурете, я тебя знаю.

— Лен, это на время.

— Значит, на время тебе тоже нужен стул со спинкой.

Я рассмеялась, хотя до этого смеяться не хотелось. Мы разложили диван, обнаружили на бельевой полке сломанный будильник и упаковку праздничных свечей. Лена убрала их в пустую коробку, я села, потом легла прямо в пальто. Матрас оказался жёстким, но ровным. Подруга спросила, проверяем ли мы теперь рабочее место, и я показала угол возле окна.

После осмотра мы зашли в кафе, где к нам присоединилась Ольга Соколова, юрист, с которой Лена давно работала. Она приехала между встречами, сразу предупредила, что у неё полчаса, и попросила рассказать, что нужно решить в первую очередь. Я начала с квартиры, потом с фирмы Дениса, потом опять вернулась к квартире. Ольга слушала, делала пометки и не пыталась уместить мой рассказ в удобную короткую причину.

— Давайте договор по оформленному объекту посмотрим отдельно, — сказала она. — И переписку о сроках. От вашего брака там много эмоций, а платежи нужно разбирать по документам.

Я достала папку. Ольга просмотрела несколько листов, попросила прислать полные копии на почту. Спросила, есть ли подписанные соглашения с мужем о других объектах. Я покачала

головой. Деньги он переводил на студию, часть заказов проходила официально, часть была моей работой сверх оговорённого. Клиенты звонили ему, сроки назначал он, а я ночами рисовала планировки, потому что неудобно подводить людей.

— Я всё могу восстановить, — сказала я. — Есть письма.

Ольга кивнула, попросила не смешивать уже выполненную работу с обещанной и выбрать время для отдельной встречи. Потом мы перешли к разводу. Ей не требовались подробности про Киру. Она спрашивала о квартире, сыне, договорённостях, и я всё чаще отвечала без запинки. Говорить о порядке вещей было легче, чем снова объяснять, как муж привёл другую женщину в готовую спальню.

Когда Ольга ушла, Лена пододвинула мне остывший кофе.

— Денег на аренду хватит?

— Пока хватит. На несколько месяцев. Дальше посмотрим.

— Посмотрим сейчас. У меня квартира под продажу, клиент никак не может разобраться, что поменять перед фотографиями. Я дам твой номер?

Я кивнула. Такие заказы были небольшими, иногда неблагодарными, но мне нравилось смотреть, сколько можно сделать без полного ремонта. Лена рассказала про хозяйку, которая собирала фарфоровых кошек. Кошек было тридцать семь, и клиентка обиделась на предложение убрать хотя бы часть. Я впервые за эти дни мысленно увидела чужую комнату, в которой никто никого не предал.

Денис прислал письмо, когда мы допивали кофе. Рабочее, с темой «По объектам». Я открыла его, прочитала, потом положила телефон рядом с чашкой. Он передавал два новых проекта другому дизайнеру, поскольку я «не могу гарантировать соблюдение сроков». По оформленной квартире окончательный расчёт откладывался до закрытия замечаний и приёмки. Предлагал прислать папку, которую я забрала.

— Что там? — спросила Лена.

Я показала. Подруга прочитала, выругалась себе под нос и потянулась к телефону. Я придержала её руку.

— Не надо ему писать.

— Я хотела Ольге. Хотя ему тоже есть что сказать.

Я переслала письмо юристу сама. Потом долго составляла ответ Денису: перечислила выполненное, попросила согласовать отдельное время для замечаний, сообщила, что папку пришлю в копиях. Удалила всё, что написала перед этим про его порядочность. Лена ждала, не заглядывая в экран. Когда я закончила, спросила, идём ли к хозяину подписывать аренду. Я сказала, что сначала приведу Тимку посмотреть комнату.

Сын осмотрел квартиру вечером. Пересчитал розетки, выяснил, куда поставить компьютер, открыл балкон. Красный чайник ему понравился. Мне пришлось признать, что ещё не знаю, где у него выключатель, хотя обычно за несколько секунд понимала любую бытовую технику. Тимка нашёл сам, налил воды и предложил выпить чай, как будто мы уже жили здесь.

Договор подписали на следующий день. Я сообщила Денису адрес и начала упаковывать книги; он спорил из-за того, какие коробки можно брать, потом ушёл и принёс из машины ещё две. Молча поставил возле двери, так что одна мешала пройти. Я передвинула её, проверила, чтобы Тимкины модели не рассыпались, и занялась одеждой.

Матвей позвонил, когда я складывала в чемодан постельное бельё. Первый гудок пропустила, второй тоже — не могла вытащить телефон из-под стопки полотенец.

— Вам удобно? — спросил он.

— Если не сейчас, то будет не удобнее. Слушаю.

Он коротко выдохнул, будто усмехнулся, но голос оставался серьёзным.

— Мне нужен дизайнер. Вы берёте заказы напрямую?

Я посмотрела на чемодан, потом на открытую дверь. Денис разговаривал по телефону в кабинете.

— Беру. Что за объект?

— Дом. Я туда переехал. Дочь на выходных приезжала, понял, что так дело не пойдёт. Ей комнату надо устроить. И остальное... Я пришлю фотографии, если хотите.

— Кира с вами?

Он не сразу ответил. Я прижала полотенца ладонью, чтобы не сползли.

— Нет. Мы живём отдельно.

— Поняла. Простите, нужно было уточнить. Я хочу знать, для кого делаю проект. В прошлый раз мне не сказали.

— Речь о комнате дочери. И о доме для нас с ней.

В его голосе появилось напряжение, но торопиться смягчать слова я не стала. Мне было важно знать, что именно он предлагает. Я спросила о площади, состоянии дома, том, что он собирается менять. Матвей отвечал по делу; у него были примерные размеры, список проблем и совсем не было представления о том, какой хочет видеть Асину комнату. Кровать, стол, шкаф. Чтобы удобно. Я записывала на обороте старого списка вещей.

— Почему ко мне? — спросила я, закончив.

— Видел вашу работу. Можете говорить прямо, если не хотите братья.

Я хотела. Уже прикидывала, что спросить у дочери, какие старые вещи можно оставить. И всё-таки было трудно принять заказ от человека, которому несколько дней назад принесла чужую измену.

— Это работа, — сказала я. — Я называю стоимость, мы обсуждаем сроки. Если условия не подойдут, нормально откажетесь. Никаких обязательств из-за того, что мы встретились.

— Марина, я за проект платить собираюсь. Не за встречу.

Я замолчала. Матвей подождал, потом предложил прислать фотографии и договориться об осмотре. Я назвала время, когда могла приехать, объяснила, что после обмеров подготовлю предложение по этапам. Он согласился. Пока мы говорили, Тимка подошёл к двери, увидел телефон и отступил; я показала, чтобы остался. Сын сел на пол и стал складывать в коробку игры.

Когда звонок закончился, я посмотрела на записи. В углу листа оставалось напоминание купить контейнеры и отвезти шторы в чистку. Ниже стоял адрес другого дома. Тимка протянул мне диск, спросил, нужен ли он вообще: приставки, к которой подходил, у нас давно не было. Я взяла его, положила в отдельную стопку и сказала, что выберем остальные вместе. На следующий день мне предстояло ехать к клиенту. Сегодня ещё нужно было закончить собирать нашу собственную жизнь в коробки.

Глава 5. Комната для Аси

Марина

Навигатор завёл меня к задним воротам, где вместо въезда стояли два контейнера. Я позвонила Матвею, объяснила, что вижу, и он попросил подождать. Через минуту появился на другой стороне забора, махнул рукой, показывая объезд. Пришлось ещё раз развернуться; я уже начинала злиться на деревья, которые на карте выглядели совершенно одинаково.

У главных ворот Матвей встретил меня и помог вытащить из багажника сумку. Я сразу объяснила, что сама донесу: в ней были рулетка, лазерный дальномер и ноутбук, всё весило не больше пяти килограммов.

— Я всё равно сюда иду, — сказал он. — Вам ворота закрыть удобнее без неё.

Это было верно. Я нажала кнопку, догнала его и перестала отбирать сумку. Дом на присланных фотографиях выглядел меньше. Два этажа, светлые стены, тёмная кровля; возле крыльца лежал шланг, который ещё не убрали на зиму. Вся дорожка в опавших листьях, хотя сентябрь только начинался. Наверное, какое-то из деревьев болело.

Внутри было тепло. Из глубины дома доносился детский голос: Ася кому-то объясняла, что не умеет делать такое колесо. Матвей поставил сумку на стул и пошёл в комнату; я успела снять куртку, когда он вернулся с дочерью.

— Это Марина, — сказал он. — Я рассказывал. Поможет нам твою комнату устроить.

Девочка остановилась у двери. Волосы собраны на затылке, на ногах носки разных цветов. Увидев меня, она прижала ладонь к животу, словно там что-то мешало. Я вспомнила мать: Кира точно так же придерживала блузку возле талии, когда садилась. От этого маленького сходства вдруг стало неприятно. Я опустила взгляд, поставила ботинки аккуратнее и рассердилась на себя. Ребёнок стоял передо мной, а я опять смотрела на другую женщину.

— Здравствуй, Ася.

— Вы у нас в школе были? — спросила она.

— Была. На ярмарке стол оформляла.

— Там листья на ленточках? Мы их с мамой трогали.

Я кивнула. Сухие листья я тогда подвесила к веткам, чтобы они не рассыпались среди еды. Кира похвалила, попросила сфотографировать. Хорошо, что сейчас девочка вспомнила только листья.

— Комнату покажешь? — спросила я.

Ася посмотрела на отца.

— Пап, ты тоже иди.

Матвей подождал, пока я достану инструменты, и пошёл с нами. Дочь поднималась по лестнице, оглядываясь каждые несколько ступеней. В руках у неё был лист; она держала его за один угол, и бумага помялась.

Комната находилась на втором этаже. Широкое окно, батарея под ним, диван вдоль стены. У другой стены стояла кровать, рядом старый столик, слишком низкий, чтобы делать уроки. На столике громоздилась банка с карандашами и несколько раскрытых коробок. Чемоданчик с одеждой лежал на диване неразобраным.

— Тут раньше гостевая была, — объяснил Матвей. — Кровать пока оставили. Диван уберу, стол сделаем. Шкаф можно туда.

Он показал на стену возле входа. Я прошла, измерила простенок, присела у розетки. Матвей стоял над мной, Ася возле него. Дочь не спешила разбирать вещи; мы разговаривали о комнате, а она всё ещё держала свой лист.

— Что у тебя нарисовано? — спросила я.

Она развернула бумагу. На ней был дом в разрезе, с маленькими квадратами внутри. Один из квадратов закрашен фиолетовым, возле него стояла стрелочка с буквой «Я». Я взяла лист, когда Ася протянула, рассмотрела.

— Это твоя комната?

— Да. Я люблю фиолетовый. Только мама сказала, от него голова болит.

— От всех оттенков? — спросил Матвей.

Дочь пожала плечами. Я вернула рисунок, показала несколько цветных карточек из веера. Ася поднесла их к окну, выбирая, и вдруг оживилась. Попросила дать ей вот этот, сиреневый, потом другой, более тёмный. Я достала маленький блокнот, записала номера, разрешила пока оставить карточки себе.

— Всю комнату фиолетовой делать не будем, — сказал Матвей.

Я подняла голову.

— Мы пока выбираем. Полчаса на решение у нас есть?

Он посмотрел на часы, потом на меня. Я поняла, что прозвучала резче, чем требовалось. Но когда за ребёнка сразу решали, какой цвет ему разрешён, мне хотелось спорить.

— Есть, — ответил Матвей. — Я не тороплю.

Ася держала карточки возле щеки, шурясь. Я спросила про рисунок, про место для книг, куда она положит набор. Она показывала охотно, пока не дошли до чемоданчика. Тогда сказала, что это только на выходные, она скоро заберёт обратно.

— На какие выходные? — спросила я.

— На эти. Потом домой.

Я кивнула. Матвей чуть повернулся к окну. Дочь спрашивала, как переносить карточки, чтобы не помялись; он слушал, держа руку на оконной ручке, и смотрел во двор. Пришлось напомнить, что там карандаши, можно поставить между двумя коробками.

— Мама завтра за мной приедет? — спросила Ася.

— Я отвезу, — ответил он. — Вечером, как договорились.

Дочь удовлетворённо кивнула, сложила лист и карточки. Ей стало понятнее, что делать дальше, и я попросила показать ванную. Вопрос оказался удачным: Ася немедленно рассказала, что вода из душа брызгает на весь пол. Матвей начал объяснять, что просто надо опустить лейку. Девочка возразила: она опускала, всё равно брызгало. Я попросила включить воду и обнаружила, что крепление не держало нужный угол.

— Вот, — сказала Ася. — Я говорила.

Матвей сам проверил, помолчал и признал, что крепление сменит. Дочь выпрямилась. Мне захотелось улыбнуться, но я удержалась: ей сейчас не требовался ещё один взрослый, довольный тем, что папа оказался неправ.

Когда Ася ушла рисовать, мы спустились на кухню. Матвей предложил чай, я попросила воду. Он достал стакан, налил из большого кувшина и начал рассказывать про первый этаж. Я слушала, отмечала, какие комнаты использовались, и всё время возвращалась к чемоданчику наверху.

— Вы хотите только мебель поменять? — спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.